

Зингер Макс Эммануилович

**Штурм Севера. Полярная
экспедиция шхуны**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М17

М17 **Макс Эммануилович З.**
Штурм Севера. Полярная экспедиция шхуны / Зингер Макс Эммануилович –
М.: Книга по Требованию, 2026. – 181 с.

ISBN 978-5-519-86213-4

ISBN 978-5-519-86213-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Введение

Тысяча девятьсот тридцатый год был переломным в истории необжитого советского Севера. В этом году люди забросили зимовку и установили радиостанцию на крайнем севере Союза—Северной Земле. В этом году сорок шесть кораблей под руководством полярного исследователя Евгенова прошли через Карское море в сибирские порты и вернулись за границу с грузом советского экспортного леса. Непрístupное Карское море стало служить пятилетке.

Шхуна «Белуха», ведомая капитаном Бурке, забросила зимовку в шхерах Минина, где никогда не жил человек. На Диксон пришел коллектив зверобоев Комсеверпути и под командой Буторина набил в короткую навигацию до полутора ста морских зверей белух, которых здесь прежде не промышляли. С острова Шокальского, где человек в этом году зимовал впервые, Советский союз получил в одну зимовку около трехсот ценных шкурок белой пушистой лисицы севера—песца. Ветеран Севера ледокол «Малыгин» сменил на острове Шокальского первых зимовщиков. Летчик Иванов доставил по воздуху через Карское море из Гыдоямо (в Обской губе) первых пассажиров на Диксон. Это были плотники, построившие там первый дом—факторию для обмена с ненцами (самоедами) продуктов на пушнину. Ледокол «Таймыр» обследовал район крайнего севера Новой Земли—мыс Желания, где решено ставить новую радиостанцию.

Шхуне Комсеверпути «Зверобой», бывшей «Браганце», 'спа-

савшей экспедицию Нобиле, было поручено обследовать Пясинский залив и вход в реку Пясину—дорогу к норильским ископаемым богатствам—и высадить в Пясине смену зимовщиков. «Зверобой»—это отличное судно из дуба и мыльного дерева—стало единственной жертвой на крайнем Севере, в сильный ветер сев на камни коварного Пясинского залива.

Комсеверпуть купил у норвежцев шхуну «Хобби» и переименовал ее, назвав «Белухой»¹.

Маленький корабль «Белуха» должен был пройти сквозь ледяные барьеры Полярного океана, дать северу Якутии продовольствие, обогнуть берег полуострова Таймыр, равного по величине Италии и Франции вместе взятым, забросить две зимовки на севере Таймыра: с Карской стороны и со стороны моря Лаптевых. Зимовки послужат форпостами для дальнейшего продвижения советской культуры на север и северо-восток и очагами организации зверобойного промысла. На месте зимовок будут установлены радиостанции, и малоизвестный север окажется в цепких руках радио.

«Белуху», которая должна была в этом году пронести советский флаг северным морским путем из Архангельска в устье Лены, обязали выполнить незаконченные погибшим «Зверобоем» операции по развозке зимовок. Ленский поход был отложен. Но корабли проложат дорогу в Лену и с запада и с востока. Смелые и отважные советские моряки добьются этого.

Два ледокола ходили в дозоре в ледовом патруле Карского моря. Служба погоды—синоптики Синягин и Вительс—ежедневно давала прогнозы на русском и английском языках. Ледокол «Седов», ходивший к Северной Земле, «Белуха», бродившая в шхерах Минина, «Мейснер», «Малыгин», «Ленин», пятьдесят иностранных пароходов и три воздушных корабля прислушивались к этим предсказаниям погоды в Карском море.

Зоркие глаза кораблей—мощные летающие лодки, на ко-

¹ Белуха—морское животное (*Delphinapterus leucas*), кочует стадами до ста и больше голов. Весом доходит до полутора тонн. (Прим. авт.).

торых ходили бесстрашные люди, следили за подвижками полярного льда в Карском море.

Десять полетов в туманы, снегопады, пургу, над кроше-вом льдов сделал 'летчик Иванов на «Комсеверпутн 2» и столько же сделали Чухновский и Алексеев. Над Карским морем летала полярная эскадрилья из трех воздушных ко-раблей.

Не пройдет и десятка лет, наш полярный Север станет важнейшим узлом мирового воздушного сообщения. Кратчай-шие расстояния между крупнейшими центрами атланти-ческих и тихоокеанских стран проходят через полярный Север советов. Из Лондона до Токио через Сибирскую же-лезную дорогу около тринадцати тысяч километров, а через полярные области—всего лишь около девяти-десяти тысяч километров.

Огромную пользу окажет полярный Север земледелию в нашей стране. «Погода делается на Севере»,—так говорят метеорологи. Изучение Севера даст возможность получать верные прогнозы погоды и тем увеличит урожай наших не-охватных полей.

О зверопромышленниках, зимовщиках—пио-нерах советского Севера, о долгой полярной ночи, о зверях и птицах, о кораблях, самолетах, о людях науки в Карском море, о жизни на его унылых, приземистых островах говорит эта книга. Она говорит о людях, развернутым фрон-том прокладывающих дорогу на советский Се-вер к его lushным и ископаемым богатствам.

Автор

Куда идете?

Необычайная для Архангельска июльская жара сменилась холодом. Задули нордостовые, крепкие ветры; и пароходы, стоявшие на якорях, повернулись, словно флюгера, по ветру. В последний солнечный день, перед самым закатом, над Соломбалой послышался рокот мотора воздушного корабля. Самолет «Комсеверпуть 3» шел на посадку к тому месту, где лишь за два дня до него покачивался на серой двинской зыби его двойник, работавший теперь в Карском море.

Наступило 24 августа. В этот день капитан шхуны «Белуха» Бурке твердо решил отвалить от Соломбальской пристани. Небольшая группа прибрежных рабочих и близкие тех, кто шел в дальний Ленский поход к неизведанным местам, долго приветствовали тарахтевшую своим мотором «Белуху».

Начальник экспедиции Бурке дал три прощальных салюта, и Соломбала скоро скрылась из виду.

Двина привела нас к небольшому деревянному дому, где находился пункт пограничной охраны.

Бурке поднял небольшой рупор и стал прислушиваться, ожидая вопроса с берега. Сильный ветер относил слова. Наконец ясно послышалось:

— Куда идете?

Капитан Бурке громким, чуть хриплым голосом крикнул:

— В Карское море!

На берегу не расслышали ответа.

Несколько раз поднимал рупор капитан, и наконец с берега донеслось:

— Хорошо!

«Белуха» дала полный ход и пошла к Ланоминке брать разборный дом для зимовки.

Через два часа после выхода из Соломбалы в кают-компании громкоговоритель с исключительной четкостью передавал концерты Западной Европы. Словно на сказочном ковче-самолете мы облетали все страны и подслушали музыку разных народов.

«Белуха» ушла в экспедицию к устью Лены, загруженная до самого капитанского мостика. Вся палуба была заложена бочками с горючим, тесом для зимовок, сетями на морского зверя белуху и ящиками всевозможных размеров.

На вантах, лестницами взбегающих к верхушкам мачт, висели туши свежего мяса. Трюмы «Белухи» не могли вместить больше ни одного кило груза. Мы уже сидели ниже ватерлинии по самой марку.

На маленьком деревянном судне находились аммонал, термит, детонаторы, бензин, керосин, нефть, пакля. Мы жили на пловучем пороховом погребе, но никто не терял из-за этого бодрости.

Белое море встретило шхуну неприветливо. С вечера погода предвещала шторм. Всю ночь глубоководное судно швыряло по высоким волнам. Огромные накатывали о борт корабля, заливали палубу. Наши четвероногие друзья—сибирские ездовые лайки, жившие на верхней палубе, впервые видели море. С большой неохотой они взошли по трапу на «Белуху», и теперь каждой волной захлестывало их теплые шубы.

У Канина носа, где десятки советских и иностранных тральщиков ловили рыбу, море притихло, и «Белуха», слегка покачиваясь, продолжала свой путь.

Моторный двигатель заставлял судно ритмично постукивать и вздрагивать. Порой казалось, что мы мчимся в поезде и под нами все время переводят стрелки.

В полдень 25 августа миновали полярный круг—воображаемую черту, отделявшую нас от теплой и благодатной стороны.

На «Белухе» шел груз для авиационной части Карской экспедиции. Его нужно было сдать на ледокол «Ленин», неизвестно где находившийся.

Радисту была дана боевая задача обязательно разыскать ледокол. И рано утром он перехватил радио с «Ленина», который сговаривался с ледоколом «Малыгин».

«Ленин» стоял в Юшаре в становище Хабарово. Туда должна была прийти «Белуха».

Когда забрезжил рассвет, открылся остров Колгуев, а незадолго до этого на горизонте по правому борту маячил какой-то огонек.

Люди на корабле сначала думали, что это мигалка, но потом выяснилось: впереди шло судно, и на нем горели ходовые огни. Очевидно, оно направлялось из Печоры в Архангельск.

Несколько тюленей «выставали» из воды; пробегали по льду нырки, хлопали крыльями и скрывались снова под водой.

Лаг не переставал вертеться за кормой и отсчитывать пройденные мили, изредка доносился писк судовой радиостанции и глухо, словно где-то в близлежащей деревне, лаяли пленники корабля—остроухие псы.

Мы шли на восток к узким воротам, которые много тысяч лет назад пробил океан между материком и островом Вайгач. Эти ворота носили название Югорский Шар.

Таинственный знак

Лениво проворачивал руль вахтенный матрос. Но как только картушка компаса уходила от намеченного курса, рулевой заставлял ее снова принимать заданное положение. Море и небо были иззелена-серы. Несколько чаек кричало где-то за кормой. Неожиданно перед самым носом высоко подпрыгнула касатка и ушла под воду. Еще несколько прыж-

ков сделал морской зверь, показав свою могучую спину, и исчез из виду.

Ночь наступила быстро, свободные люди на корабле все спали. Лишь вахтенный штурман, машинист и один матрос бодрствовали на корабле, да радист, ловя колебания эфира, водил карандашом по бумаге, лежавшей на столе, смотрел за накалом лампы, включал или выключал рубильники на распределительной доске.

Вдруг оконце его рубки открылось, он свистнул, подзывая к себе вахтенного матроса.

— Вот принял обрывки,—крикнул радист Сысолятин.

...Окажите «Зверобю» помощь... держите непрерывную связь..
На «Зверобой»... 41 557 Комсеверпуть...

— А мне Ваня Блинов вчера говорит в кубрике:—со «Зверобоем» авария! Сон мне снился, будто Петранди, капитана «Зверухи», арестовали.—Сон в руку,—сказал штурман Розин, разглядывая радиограмму.

— И мы здесь где-нибудь воткнемся в этом чортовом море,—нараспев протянул радист.

Видимость была плохая, слегка туманило горизонт, а, по времени судя, скоро должен был открыться Вайгач, Югорский Шар или Юшар, как говорили моряки.

— Не снесло бы нас к северу печорским течением,—вскольз бросил старший штурман.

Мерный ход машины действовал, как лучшее снотворное. Я проснулся, почувствовав перемену в этом стук. Машине дали средний ход. Минут пять прошли средним ходом, затем перешли на малый. Медленно постукивая поршнем, машина чуть двигала корабль.

Накануне команде роздали ватную одежду, сапоги, теплые шапки, и люди не мерзли больше от холода на верхней палубе.

Коричневая полоса земли тянулась на горизонте, горбя свою голую спину. На холме стоял неизвестный знак—обелиск.

— Будто бы Лямчина губа, но откуда же здесь знак?— сказал капитан.— Никаких знаков здесь в прошлом году не было!

Капитан Бурке перевел корабль на холостой ход, пронзительно свистнул, и матрос побежал с лотом на бак брать глубину моря.

На суровом безжизненном куске земли, где сейчас не было человека, высился таинственный знак, словно памятник человеческой отваге, пытливому уму мореходов.

В штурманской рубке, склонившись над картой, капитан отсчитывал расстояния измерителем, всматривался сквозь лупу в микроскопически малые буквы.

— Фу ты, чорт! Поставили новый знак и не предупредили! Нас миль на тридцать к северу течением снесло! Вон видите залив—это Лямчина губа. Мы вышли севернее Юшара.

Бурке отдал команду. Коленчатый вал встрепнулся, и все поршни машины запели дружно песнь ю полном ходе. Это была радостная песнь о верном курсе, о близости Югорского Шара, о недалекой встрече с кораблями, с новыми людьми.

Ушел высокий знак, скрылся горбившийся остров, и новые острова коричневыми, чуть красноватыми полосами вставали из воды, словно морские звери подышать и отлежаться.

— Этот знак только три недели назад поставили, забыли вас предупредить о нем,—сообщили потом капитану «Белухи» на ледоколе «Ленин» в Югорском шаре.

Моря Белое и Баренцово—за кормой. Первый этап экспедиции к устью Лены был пройден.

Впереди лежало коварное Карское море.

Югорский Шар

Густо-зеленая вода Югорского пролива была неподвижна. Желтая церковка становища Хабарова ярко выделялась среди нескольких домиков, расположенных возле нее. Недалеко от становища стоял двухтрубный красавец—проводник кар-

ских пароходов—ледокол «Ленин». К нему шла «Белуха». Низко над проливом, почти касаясь воды, тянула стая турпанов. Шхуна дала протяжный сигнал, извещая о своем прибытии, и вскоре пришвартовалась к ледоколу. Невольно вспомнилась рекламная картинка, которую печатали хозяева крупных заграничных пароходств. Рядом с гигантом-пароходом обычно помещалась одна из каравелл Христофора Колумба, на которой он открыл Новый Свет. Наша «Хобби», наша «Белуха» была каравеллой-крошкой по сравнению с левиафаном-ледоколом. И наша совесткая каравелла, так же как и колумбова, шла в неизвестные края к малоизвестным и необследованным островам и землям.

Еще совсем недавно путешествие к Новой Земле было отважным и смелым предприятием, а сегодня, двадцать девятого августа 1930 г., в холодную и темную ночь; сюда в Югорский Шар пришли без проводников два щеголя, два теплохода-буксира из Германии. Они самостоятельно шли из Данцига в Обь и Енисейский полярный порт Игарку. Об этом мог только мечтать знаменитый Сибиряков энтузиаст северной Сибири, северного морского пути.

Зеленые и желтые блики ярких огней буксиров играли ночью в темной воде Югорского Шара. Светящиеся, отраженные водой иллюминаторы, словно звезды, рассыпались по бортам этих нарядных пароходов.

Пятьдесят кораблей должны были пройти в этом году Карским морем за богатейшими экспортными товарами Сибири. Мощные ледоколы «Ленин» и «Малыгин» ходили по Карскому морю, высматривая льды. Два воздушных корабля делали ледовые разведки, и третий самолет на-днях должен был прилететь в Карское море из Архангельска. За ледовым морем была установлена неусыпная слежка. Место встречи всех кораблей, Югорский Шар был главной улицей Карского моря.

Не успела «Белуха» пришвартоваться к ледоколу, как затянуло туманом берега и сразу повеяло холодом.

На ледоколе знали, что «Зверобой» вылез на банку и по-